

Полока Геннадий
(юбилей)

14.6.00г.

ЮБИЛЕЙ

Геннадий Полока, отмечающий 15 июля свое 70-летие, принадлежит к поколению «битых» режиссеров. Его «Интервенция» двадцать лет пролежала на полке. Его детектив «Один из нас», полный черного юмора и иронии, обвинили в непатриотизме и крутили на задворках. Комедию «Одиножды один» по сценарию Виктора Мережко с Анатолием Папановым в главной роли ругали за отсутствие вкуса и «клевету на нашу действительность». А после телефильма «Наше призвание» выгнали из объединения «Экран», заявив, что на примере школьного самоуправления он смоделировал польскую «Солидарность». Фильм показали спустя пять лет, с купюрами, по второй программе, в «мертвое» время.

— Многие годы у нас культивировался определенный тип художников — удобный для чиновников, — говорит режиссер. — Как это происходило? Например, намеренно увеличивалось количество режиссеров-постановщиков. А большой массе легче диктовать. Можно было сказать: делайте либо то, что велено, либо вообще останетесь без работы. Вас найдется кем заменить. И всегда находились охотники делать все, что угодно. А яркие талантливые люди в этой массе терялись. Честной, открытой творческой конкуренции не было. Было соперничество в желании выслужиться, получить свой кусок хлеба с маслом.

Полока локтями не толкался. Когда оказывался «за бортом», полуподпольно выступал в многочисленных кино клубах. Была у него тайно сделанная копия одного из своих фильмов, отрывки из других — вот он и ездил к тем, кто пытался вести репертуарную политику, альтернативную официальной. Этим и кормился. И то, что теперь рассказывает своим

Один из нас

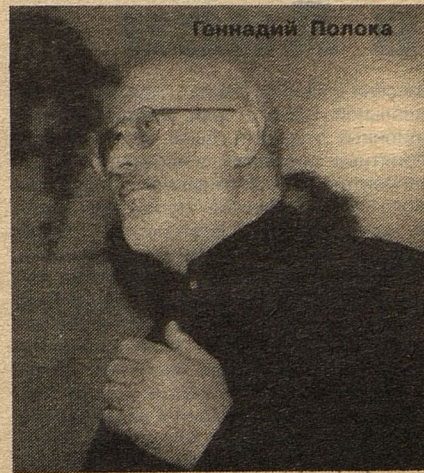
студентам во ВГИКе, рассказывал любителям кино, ценившим его «крамольные» ленты.

— Все режиссеры знали, — продолжает Геннадий Иванович, — что, например, нравится Брежневу. И многие, снимая фильмы, это учитывали. Учитывали и чиновники. Например, вождю нравились блатные песни. Думаю, это стало одним из решающих обстоятельств того, что «Калина красная» Шукшина не была положена на полку: там были куплеты, которые могли понравиться вождю, — к картине цензура отнеслась снисходительно... Существовало откровенно «отчетное» искусство. Брежневу докладывали, что снят фильм «Самый жаркий месяц». О сталеварах. Хороший? Хороший. Пусть народ смотрит... Это была высшая степень цинизма — делай все что угодно, только бы было «в рамках».

Из традиционных рамок выбивается и герой, вокруг работы которого разгорелся сыр-бор в последнем на сегодня фильме Г. Полоки «Возвращение броненосца». Правда, герой этот — режиссер Сергей Эйзенштейн — в кадре почти не появляется, но невольно влияет на судьбы других персонажей.

— Для меня «Возвращение броненосца», в основе которого воспоминания Алексея Каплера, драматурга, который в те годы он был секретарем той самой актерской биржи, — элементарная ностальгия по старому кино. Гимн энтузиастам и дилетантам, поставившим кинематограф на ноги. Ведь первые работники кино не оканчивали никаких киношкол, творили интуитивно. Это было

царство любителей, торжество поклонников нового вида искусства. Правда, когда непрофессионализм как течение сохраняется до наших дней и в режиссуру приходят люди случайные — торговцы, милиционеры, военные, — толку не будет. Девальвируется уровень профессионализма. Профессиональное мастерство начинает казаться ненужным, и это грустно.

Геннадий Полока

— Мне хотелось разобраться в парадоксе времен в истории, — размышляет мастер экрана, — Как шли они в 20-е годы, так идут и сейчас: страна нищая, раздираемая противоречиями — а появляться могут великие произведения искусства! Так что не нужно нам пугаться естественного на первых порах новой жизни хаоса, лучше иметь мужество и запастись терпением. Фильмы, которыми мы все сможем гордиться, появятся.

Петр ЧЕРНЯЕВ